

**КРИМИНАЛИСТИКА.
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.98.067

**СТРУКТУРА ЧАСТНОЙ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ:
ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.
ЧАСТЬ II**

МАКАРЕНКО Илона Анатольевна

доктор юридических наук, профессор, директор Института права, заведующая кафедрой криминалистики ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: ilona475@mail.ru

ЭКСАРХОПУЛО Алексей Алексеевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: a.exarkhopulo@mail.ru

ЗАЙНУЛЛИН Руслан Ильдарович

кандидат юридических наук, заместитель директора по научной деятельности Института права, доцент кафедры криминалистики ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: zaynullin083@yandex.ru

**THE STRUCTURE OF PRIVATE
FORENSIC METHODOLOGY:
HISTORY OF FORMATION
AND DEVELOPMENT PROSPECTS.
PART II**

MAKARENKO Iлона Anatolievna

Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of Law, Head of the Chair of Forensics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: ilona475@mail.ru

EKSARHOPULO Alexey Alekseevich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Forensics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: a.exarkhopulo@mail.ru

ZAYNULLIN Ruslan Ildarovich

Candidate of Sciences (Law), Deputy Director for Science of the Institute of Law, Assistant Professor of the Chair of Forensics of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: zaynullin083@yandex.ru

Криминалистическая методика завершает курс криминалистики, адресуя рекомендации исключительно субъектам предварительного расследования и занимая место в системе науки со своим относительно обособленным предметом и познавательными средствами. Среди ее базовых положений можно выделить, прежде всего, структуру частной криминалистической методики. Очевидна актуальность изучения и анализа исторических достижений юридической науки и практики борьбы с преступностью, ставших базой в решении задач предварительного следствия, и, на этой основе, определение перспектив развития частной криминалистической методики. Базовым элементом любой частной (типовой) методики расследования является

Contemporary forensic methodology completes the course of forensics, giving its recommendations exclusively to the subjects of preliminary investigation and taking its own place in the system of science with its relatively isolated subject and cognitive means. Among its basic provisions, first of all one can distinguish the structure of private forensic methodology. Today, it is obvious that the study and analysis of legal science historical achievements and the practice of fighting crime, which have become the basis for solving preliminary investigation tasks, and, on this basis, the definition of prospects for the private forensic methodology development are urgent. The basic element of any private (typical) method of investigation is its structure, because it expresses the most rational

ее структура, ибо в ней выражена последовательность работы следователя по уголовному делу. Структура имеет практический смысл, она способствует реализации теоретических положений и практических рекомендаций науки, обеспечивающих эффективную организацию следственной работы.

Ключевые слова: Криминалистическая методика, исторические предпосылки, структура частной криминалистической методики, расследование отдельных видов преступлений, становление криминалистической методики, этапы расследования.

sequence of the investigator's work in a criminal case. The structure has a direct practical meaning; it assists the implementation of theoretical provisions and practical recommendations of science, ensuring the most effective organization of investigative work.

Key words: forensic methodology, historical background, structure of the private forensic methodology, investigation of certain types of crimes, formation of forensic methodology, investigation stages.

Одним из центральных вопросов совершенствования такой структуры был и остается вопрос о круге типичных для каждого из этапов расследования задач, которые стоят перед следователем, независимо от вида преступления и складывающихся следственных ситуаций, и которые он обязан решать, причем в строго определенной последовательности. Например, не установив факт совершения преступления, беспредметно искать преступника. Между тем, авторы, посвятившие свои исследования совершенствованию структуры частных криминалистических методик, в большинстве своем ограничивались лишь простым перечислением ее элементов (включая этапы) без конкретизации характерных для каждого этапа расследования типичных задач (вопросов, подлежащих выяснению) [1, с. 303-305; 3, с. 198-205]. В лучшем случае их перечень предлагался для первоначального этапа расследования и то без попыток систематизации. Тем более без выделения главных из них, обусловленных конечной целью, которую следователь стремится достичь на каждом конкретном этапе работы по делу. То есть тех задач, без решения которых переход к следующему этапу, выделенному в типовой структуре частной криминалистической методики, невозможен или недопустим.

Прекрасно понимая, что исчерпывающе перечислить, а тем более конкретизировать задачи, решаемые на каждом этапе расследования преступлений при огромном разнообразии их видов и разновидностей, нельзя, мы, тем не менее, считаем не только возможным, но и необходимым обозначить важнейшие из них. А именно те, которые должны стоять и решаться следователем на конкретном этапе проводимого им расследования, независимо от вида преступления, ибо без их решения вся его дальнейшая работа теряет смысл.

В такой типовой структуре частной криминалистической методики главные задачи, или конечные цели, на достижение которых должны быть направлены усилия следствия, и именно в силу их особой важности, целесообразно выделять в качестве руководящих. Только достигнув этих целей можно продолжать расследование, не обрекая его на неудачу, или не провоцируя себя на вынужденные злоупотребления. Осознание руководящих целей или главных задач каждого этапа расследования, решаемых в строгой последовательности, позволяет избрать оптимальный режим следственной работы по делу и при этом минимизировать опасность совершения ошибок. И такие важнейшие задачи, решаемые на каждом ее этапе, как выясняется, также подсказаны нам историей и историческим опытом.

По свидетельству В.А. Линовского еще задолго до принятия Воинских Уставов Петра Первого от уголовного следствия требовалось соблюдать строгий порядок выяснения обстоятельств преступления. Из старой итальянской практики, как указывает автор, в частности, следовало, что *«судья вправе начинать дело лишь в том случае, если ему известно, что совершено преступление»* [4, с. 62]. Став господствующим в XVI–XVII вв., это правило перво-

очередного выяснения преступного характера расследуемого события в немецкой практике уже формулировалось как безусловное предписание следователю: *«Первое требование к законному следствию заключается в том, чтобы, прежде всего, было установлено само деяние»* [4, с. 63]. Это правило, как пишет В.А. Линовский, перешло и в российское *«Краткое изображение процессов и судебных тяжб»* (1716 г.). Многие принятые впоследствии законы Российской Империи¹ неизменно повторяли установленное еще Петром I правило об *«исследовании, прежде всего, учинилось ли происшествие, заключающее в себе преступление»* [4, с. 63]. Наши предшественники прекрасно понимали, что только после выяснения характера события постановка иных задач приобретала свой смысл.

С этого времени расследование уголовных дел в Российской Империи стало подчиняться требованию, обязывающему следователя соблюдать строгий порядок, при котором значительная часть процессуальных действий допускалась только после подтверждения факта совершения преступления. Правилами, изложенными в *«Кратком изображении процессов...»*, например, категорически запрещалось применять пытку раньше, чем факт преступления будет установлен [4, с. 88].

Таким образом, главная задача первого этапа расследования была в России четко обозначена еще 300 лет назад. Анализируя законодательные акты, начиная с петровских, в которых ясно просматривалась очередность постановки и решения главных задач следствия, В.А. Линовский приходит к выводу: *«Сображая все сказанное нами можно вывести заключение, что в настоящее время, на основании наших положительных законов, предмет следствия есть приведение в возможно полную известность всего состава преступления, то есть, действительно ли учинено преступление и какое, кем оно учинено и в какой степени преступление должно быть вменено его виновнику»* [4, с. 64] (выделено нами. – И.М., А.Э., Р.З.). Через несколько десятилетий после В.А. Линовского, Эрих Анушат выделил те же два принципиально важных для расследования вопроса, на которые следователь обязан ответить и именно в предложенной последовательности: 1) что представляет собой данное событие; 2) если это преступление, то кто виновник [5, с. 67-68]. Интересно, а для нас еще и весьма поучительно то, что этот порядок, установленный еще в XIX в., не мог быть изменен даже тогда, когда речь шла о явке с повинной. *«В каждом уголовном деле, – писал В.А. Линовский в 1849 г., – нужно сперва исследовать, действительно ли случилось происшествие, заключающее в себе преступление, даже в таком случае, если бы дело началось добровольным признанием...»* [4, с. 129] (выделено нами. – И.М., А.Э., Р.З.).

Комментируя сказанное о необходимости, во-первых, решать вопрос о событии, и только, во-вторых, о виновнике преступления, Э. Анушат заметил: *«можно искать убийцу не ранее, чем будет установлено вскрытием ли трупа, химическим или другим исследованием, что смерть действительно причинена другим лицом... т.к. не исключается, что после приговора «убитый» окажется живым»* [5, с. 72, 11]. Современная российская правоохранительная практика не раз доказывала, если вести расследование преступлений вопреки рекомендациям, высказанным Анушатом еще в 1927 г., то не стоит удивляться тому, что поиск «убийцы» и его последующее «изобличение», омрачались лишь появлением «жертвы», благополучно возвратившейся домой после своего неожиданного «воскрешения» [6].

Говоря о необходимости следовать правилу очередности решения главных задач поэтапного расследования, мы вовсе не исключаем возможности и даже необходимости начинать поиски потенциального виновника преступления сразу после получения сообщения о преступлении. Выделение основных задач, требующих своего решения в жесткой последовательности, то есть поэтапно, вовсе не означает, будто бы следователя необходимо связать жесткими рамками, в которых он не должен стремиться ни к какой иной, кроме руководящей цели, кроме решения основных задач, предписанных ему структурой частной методики для соответствующего этапа расследования. Тем не менее, как сказано у Ганса Гросса, данные о

«виновнике преступления», его «мотивах», «о вреде, причиненном преступлением» и т.д., полученные в самом начале следствия, и именно в силу их предположительного характера должны тщательно проверяться на последующем его этапе. Чтобы избежать односторонности в расследовании и, прежде всего, в решении вопроса о привлечении конкретного лица в качестве обвиняемого, Ганс Гросс считал особенно важным при планировании последующего этапа расследования не увлекаться поиском лишь одного, заранее «назначенного» виновника. «... самым пагубным для исхода дела, – писал Г. Гросс, – бывает такое положение, когда «план» был составлен с определенной целью привлечь к делу в качестве обвиняемого **известное лицо**, и когда следствие велось **исключительно** в этом направлении, пока не выяснилось с несомненностью, что это лицо к делу неприкосновенно» [2, с. 20-21, 10].

Современная структура частной криминалистической методики, связывая переход от первоначального к последующему этапу расследования с появлением фигуры обвиняемого, надо полагать, также не должна допускать, чтобы все дальнейшее расследование сводилось исключительно к проверке версии обвинения. Для того закон и требует безотлагательно допрашивать обвиняемого, чтобы, получив от него объяснения по поводу предъявленного обвинения, проверить и возможное алиби, и собрать, наряду с обвинительными доказательствами, данные, которые способны их опровергнуть, или вообще оправдать обвиняемого.

Не секрет, что современные следователи, дознаватели и оперативные работники, выполняющие их поручения, планируя допрос обвиняемого (подозреваемого), часто рассчитывают на получение исключительно признательных показаний. Этот путь для некоторых следователей становится, увы, самым коротким к раскрытию преступления и к завершению расследования. Можно привести немало примеров, когда признание обвиняемого фигурирует в материалах уголовного дела как единственное прямое, а, порой, и просто единственное (в разных вариантах) доказательство, подтверждающее версию обвинения. Такое становится возможным потому, что суды зачастую не только не удовлетворяют ходатайства стороны защиты о проведении процессуальных действий, результаты которых могли бы поколебать обвинительную версию следователя, но и под самыми разными, в том числе надуманными предложениями, стремятся исключить из дела доказательства, свидетельствующие о невиновности подсудимого, признавая их недопустимыми. Судьи, поддерживающие таким образом глубоко порочную идею о легализации «*презумпции доверия полиции*», провоцируют следователей и оперативных работников на злоупотребления, в частности, на применение незаконных методов и средств с единственной целью – добиться признательных показаний от задержанного, подозреваемого или обвиняемого. Невольно вспоминаются слова профессора А.М. Ларина, сказанные им еще в 1982 г.: «В острых кризисных ситуациях господствующие реакционные силы не могут довольствоваться преследованием действительных нарушителей закона. На первый план выступает цель террора, устрашения самых широких слоев населения, и репрессии обрушиваются не только на виновных в преступлении, но и на заподозренных в нелояльности, а также на лиц, случайно попавших в шестерни судебнополицейской машины. **Неписанным законом для судей становится девиз: «Полиция не ошибается»** – одна из крайних формулировок презумпции виновности» [7, с. 31] (выделено нами. – И.М., А.Э., Р.З.).

Увы, но тот же «девиз» сегодня можно услышать и от руководящих работников МВД России, и от депутатов Государственной Думы, предлагающих внести соответствующие изменения и дополнения в закон «О полиции».² Для преодоления этой негативной тенденции, ставшей сегодня весьма заметной, как нам кажется, было бы честнее вернуться к давно забытой и в свое время жестко раскритикованной теории формальных доказательств, объявлявшей признание обвиняемого «лучшим доказательством всего света». То есть к идеям начала XVIII в., провозглашенным еще «Кратким изображением процессов и судебных тяжб». Такое заимствование могло бы стать сегодня благом для отечественного правосудия и предварительного след-

ствия, но только при неперменном соблюдении ряда условий, о котором в начале прошлого века говорил один из сторонников теории формальных доказательств, выдающийся ученый – процессуалист Л.Е. Владимиров. Впрочем, и его слова, и процессуальные условия получения признательных показаний, гарантирующие и достоверность, и их доказательственное значение, были впоследствии благополучно забыты критиками этой теории. Оценивая собственное признание обвиняемым своей вины как «*королевы доказательств*», Л.Е. Владимиров, в частности, писал: «... Нет на свете лучшего свидетеля, чем тот, кто сам совершил преступление. И поэтому в вопросе о собственном признании все старания должны быть направлены к тому, чтобы оно было в процессуальном отношении безукоризненно отобрано и правильно использовано» [8, с. 341] (выделено нами. – А.Э., И.М., Р.З.).

Увы, но эти два последних условия, в частности, о безукоризненном процессуальном оформлении и правильном использовании признательных показаний, критики теории формальных доказательства практически никогда не вспоминали.

Кстати, самым беспощадным критиком теории формальных доказательств, как это ни парадоксально, оказался академик Андрей Януарьевич Вышинский. Отметив пагубность влияния собственного признания на ход дела, А.Я. Вышинский объяснил, в чем эта пагубность выражалась. Его аргументы и сегодня выглядят безупречными. А «*потому*, – писал Андрей Януарьевич, – что зачастую все усилия следователей направлялись к тому, чтобы, так или иначе, подчас самыми **противозаконными способами** и приемами, добиться от обвиняемого сознания и тем «упростить» дело...» [9, с. 136-137] (выделено нами. – И.М., А.Э., Р.З.).

Цинизм и лицемерие сталинского Генерального Прокурора СССР состояло в том, что он, как никто другой, как раз и прославился тем, что сам широко использовал на практике «царицу доказательств» для осуждения невиновных. Тем не менее, его слова о противозаконных способах получения признания и сегодня звучат вполне современно и актуально.

Чтобы избавить российское правосудие от злоупотреблений, которые имеют место в практической деятельности и оперативных работников, и следователей, и судей, стремящихся любыми средствами добиться признания от тех, кого они пытаются привлечь к ответственности, вовсе не обязательно пересматривать вполне сформировавшуюся теорию доказательств, согласно которой ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы. Однако ничто не мешает правоохранительным органам «*направить все старания*» на выполнение, хотя и выработанных более 300 лет назад, но вполне разумных требований, обеспечивающих с одной стороны, достоверность признательных показаний обвиняемого, с другой – ставящих барьер насильственному их получению.

Для этого достаточно заимствовать процессуальные правила, о которых вспоминал Л.Е. Владимиров в 1909 г., закрепив их в современном уголовно-процессуальном законодательстве России. И правила эти, впервые сформулированные, как уже отмечалось, в 1716 г., стоят того, чтобы ими и сегодня руководствовались представители правоохранительных и судебных органов. В.А. Линовский излагает эти правила следующим образом:

«Чтобы собственное признание было ценностно, требуются от него следующие условия: 1) чтобы оно было совершено сходно с произошедшим действием; 2) чтобы оно было добровольным; 3) чтобы оно было учинено в суде перед судьей; 4) чтобы при том были показаны такие обстоятельства действия, по которым о достоверности и истине оно не невозможно было бы сомневаться» [4, с. 76]. Это положение, дополненное Указом 1775 года, по которому «не велено домогаться признания от подсудимого, когда другие обстоятельства изобличают вину его», сохраняло силу и в XIX веке [4, с. 76].

Для понимания сути первого из сформулированных четырех правил важно, прежде всего, вспомнить еще одно условие, о котором уже говорилось выше. А именно, о том, что к моменту появления в деле обвиняемого у следователя в распоряжении должны быть достоверные сведения, подтверждающие факт совершения преступления. Это значит, что отдель-

ные обстоятельства расследуемого события, образующие, выражаясь современным языком, объективную сторону состава преступления, должны были быть известны следователю до начала допроса обвиняемого. Поэтому, если показания обвиняемого об обстоятельствах, якобы, совершенного им преступления, противоречили обстоятельствам дела, уже установленным следствием, то такому признанию нельзя было придавать доказательственного значения. Строгое соблюдение этого важнейшего условия и сегодня способно разоблачить самооговор несправедливо обвиненного лица, в том числе состоявшийся в результате использования незаконных методов и средств. Второе правило 300-летней давности – о добровольности признания вины – было призвано воспрепятствовать такого рода незаконным действиям следователя. Третье правило – процедурное, позволяющее добиваться от обвиняемого признания собственной вины только в присутствии тех, кто способен остановить следователя в случае, если тот попытается незаконными методами заставить его дать признательные показания. Согласно этому правилу, только признание, полученное в суде и перед судьей, можно было использовать в качестве доказательства вины обвиняемого.

И, наконец, последнее, четвертое правило позволяло убедиться не только в искренности обвиняемого, но и в достоверности сообщаемых сведений о совершенном им преступлении. В признательных показаниях, как говорилось в законе 1716 года, должны быть не просто сведения об обстоятельствах преступления, совпадающие с известными следователю обстоятельствами расследуемого события, а сведения, достоверность которых не вызывает сомнений. Ими признавались, к примеру, данные, подтвержденные иными собранными по делу доказательствами, либо общеизвестные факты.

Таковы нам представляются некоторые перспективы не только развития структуры частной криминалистической методики, но и обусловленные накопленным историческим опытом возможности совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства, на котором базируется эта структура.

Примечания

¹ В частности: изданные императрицей Екатериной «Учреждение об управлении губерниями» 1775 года; «Устав Благочиния» 1782 года и др.

² См.: <https://www.pnp.ru/social/2015/07/01/policeyskim-khotyat-dat-pravo-vskryvat-avtomobili.html>; <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/07/06/599294-kak-strelyali-tak-i-budut>; <http://www.novayagazeta.ru/news/1694924.html?print=1>; http://pervonovosti.ru/?id=2422325&_openstat=bmV3czs7NTE1MDA0MjQ7YS5leGFya2hvcHVsb0BtYWlsLnJ1&k=20a8cf01c66962f661b1602beb7a364e и др.

Библиографические ссылки

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: общая теория криминалистики. В 3 т. Т. 1. М. : Юрист, 1997.
2. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. 4-е изд., доп. СПб, 1908.
3. Возгрин И.А. Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск, 1983.
4. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М. : «ЛексЭст», 2001.
5. Анушат Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики. М. : ЛексЭст, 2001.
6. Чернова Н. После пыток. Как живут те, кто победил в Страсбургском суде, и те, по вине которых Россия там проиграла // Новая Газета. 2008. 31 июля.
7. Ларин А.М. Презумпция невиновности. М. : Наука, 1982.
8. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула : Автограф, 2000.

9. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М. : Госюриздат, 1950.
10. Hans Gross. Criminal investigation: a practical textbook for magistrates, police officers and lawyers. Gale, Making of Modern Law, 2010.
11. Joachim Ciupka, Gunter Spies. Die gedankliche Arbeit des Kriminalisten bei der Rekonstruktion von Ereignisorten. Fachhochschule für Verwaltung und Rechtspflege Berlin, 2008.

References

1. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki: obshchaya teoriya kriminalistiki (The course of forensics: general theory of forensics), V 3 t, T. 1. Moscow, Yurist", 1997.
2. Gross G. Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovateley kak sistema kriminalistiki (A guide for judicial investigators as the forensic system), 4-ye izd., dop. St. Petersburg, 1908.
3. Vozgrin I.A. Kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya prestupleniy (Forensic crime investigation technique). Minsk, 1983.
4. Linovskiy V.A. Opyt istoricheskikh rozyskaniy o sledstvennom ugovnom sudoproizvodstve v Rossii (The experience of historical investigations on investigative criminal proceedings in Russia). Moscow, «LeksEst», 2001.
5. Anushat E. Iskusstvo raskrytiya prestupleniy i zakony logiki (The art of detecting crimes and the laws of logic). Moscow, LeksEst, 2001.
6. Chernova N. Posle pytok. Kak zhivut te, kto pobedil v Strasburgskom sude, i te, po vine kotorykh Rossiya tam proigrala (After tortures. How do those who won in the Strasbourg court live and those through whose fault Russia lost there). *Novaya Gazeta*, 2008, 31 iyulya.
7. Larin A.M. Prezumptsiya nevinovnosti (Presumption of innocence). Moscow, Nauka, 1982.
8. Vladimirov L.Ye. Ucheniye ob ugovnykh dokazatel'stvakh (The doctrine of criminal evidence). Tula, Avtograf, 2000.
9. Vyshinskiy A.YA. Teoriya sudebnykh dokazatel'stv v sovetskom prave (Theory of judicial evidence in Soviet law). Moscow, Gosyurizdat, 1950.
10. Hans Gross. Criminal investigation: a practical textbook for magistrates, police officers and lawyers. Gale, Making of Modern Law, 2010.
11. Joachim Ciupka, Gunter Spies. Die gedankliche Arbeit des Kriminalisten bei der Rekonstruktion von Ereignisorten. Fachhochschule für Verwaltung und Rechtspflege Berlin, 2008.

Дата поступления: 12.10.2018

Received: 12.10.2018